

ИГНАС
ДЖЕЙ
ГЕЛЬБ

ИСТОРИЯ

Письменности

ОТ РИСУНОЧНОГО
ПИСЬМА
К ПОЛНОЦЕННОМУ
АЛФАВИТУ

Игнас Гельб

**История письменности.
От рисуночного письма к
полноценному алфавиту**

«Центрполиграф»

УДК 003.3(091)
ББК 81.2-8

Гельб И. Д.

История письменности. От рисуночного письма к полноценному алфавиту / И. Д. Гельб — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5270-1

Труд известного американского ученого И.Дж. Гельба посвящен развитию истории и эволюции письменности в ее многообразии и взаимосвязи с другими сферами человеческой деятельности. Автор описывает и сравнивает различные виды письменности и подробно прослеживает ее развитие от самых первых стадий рисуночного письма до создания полноценного алфавита. Последние главы посвящены будущему письменности и ее связи с речью, искусством и религией. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 003.3(091)

ББК 81.2-8

ISBN 978-5-9524-5270-1

© Гельб И. Д.
© Центрполиграф

Содержание

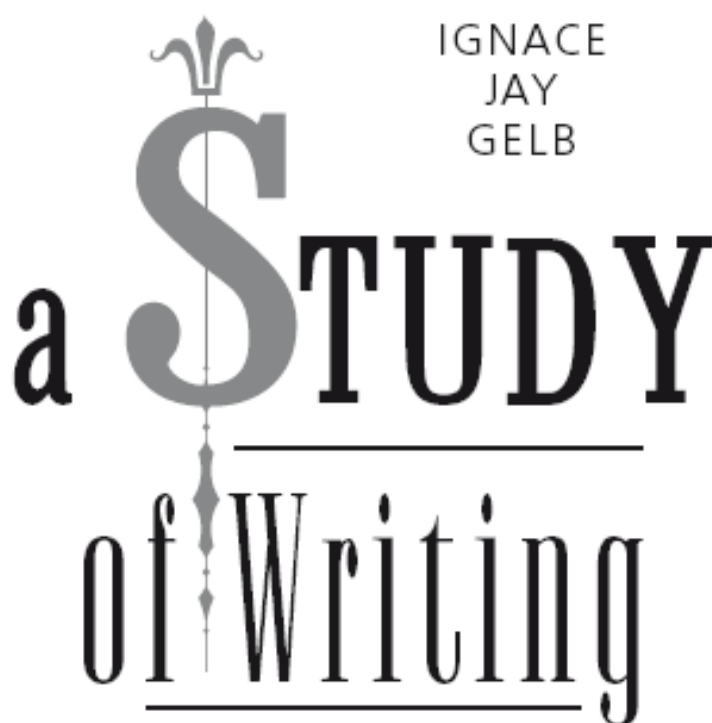
Предисловие	6
Глава 1	7
Способы передачи идей	7
Определение письменности	17
Источники информации	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игнас Джей Гельб
История письменности. От рисуночного
письма к полноценному алфавиту

Посвящается Мокстадам

IGNACE JAY GELB

a STUDY of Writing

A DISCUSSION OF THE GENERAL
PRINCIPLES GOVERNING
THE USE AND EVOLUTION
OF WRITING

A DISCUSSION OF THE GENERAL PRINCIPLES GOVERNING THE USE AND
EVOLUTION OF WRITING

Предисловие

В то время как общая история письменности рассматривает отдельные системы письма в основном с описательной точки зрения, в данном труде я попытался установить общие принципы, регулирующие использование и развитие письма на сравнительно-типологической основе, заложив тем самым фундамент новой науки, которую можно было бы назвать грамматологией. Это первое систематическое изложение истории и эволюции письменности сквозь призму этих принципов. Некоторые конкретные результаты новой реконструкции таковы: отказ от так называемого «логографического письма» и замена его на словесно-слоговое (лого-силлабическое); отнесение так называемого «семитского алфавита» к слоговому типу; помещение «майянской и ацтекской письменности» в категорию не собственно письменности, а ее предшественников; вывод о том, что таинственные «надписи с острова Пасхи» представляют собой не надписи, а ритуальные орнаменты для магических целей.

Я не ставил перед собой задачу создания исчерпывающей истории письменности. Эта работа касается только тех ее видов, которые являются типичными образцами или имеют большое значение для понимания определенных тенденций. Поэтому читателю не стоит искать в данной книге рассмотрение латинской письменности с античных и средневековых времен вплоть до наших дней, поскольку эта система не представляет ничего нового и важного для теории письма. Вообще говоря, сегодня мы пишем так же, как древние римляне, и античное римское письмо в принципе идентично греческому, от которого оно и произошло.

Многое в теоретической реконструкции письма, изложенной в данном исследовании, может вызвать сомнения у тех филологов, которые, полагая священными традиции своих узкоспециализированных областей, не спешат согласиться с выводами, сделанными на основе более широкого взгляда на письменность.

Данное исследование главным образом опирается на факты внутренней структуры, отводя второстепенное место тем доводам, которые можно вывести из данных внешней формы. Таким образом, остается множество возможностей для детальной разработки формальных аспектов типологии и эволюции письменности в будущих исследованиях подобного рода. Более адекватное освещение в будущем могут получить вопросы, связанные с писчими материалами, числами, порядком расположения знаков, их названиями и вспомогательными отметками, такими как просодические элементы, переносы слов и т. п.

Во избежание недопонимания хотел бы отметить, что термин «слоговой знак» используется здесь для обозначения единицы письма, которая обязательно содержит гласный (либо самостоятельный, либо сопровождаемый согласным перед или после) и которая может, но не обязательно должна иметь просодическую функцию (например, ударение, тон, долготу и т. д.); таким образом, это определение с точки зрения письменности отличается от определения слога, которое используется для обозначения единицы речи, характеризующейся в первую очередь просодическими свойствами и не обязательно содержащей гласный звук.

Одна из самых досадных проблем, свойственных столь широкому исследованию, – это проблема транслитерации и транскрипции. И в этом вопросе (несмотря на все стремление к единообразию), к сожалению, не удалось избежать некоторых недостатков.

Это исследование, на которое у меня ушло чуть более двадцати лет, прямо и косвенно во многом состоялось благодаря моим друзьям и коллегам как у меня на родине, так и за рубежом. Всем этим ученым и друзьям я хотел бы выразить мою самую глубокую признательность и благодарность.

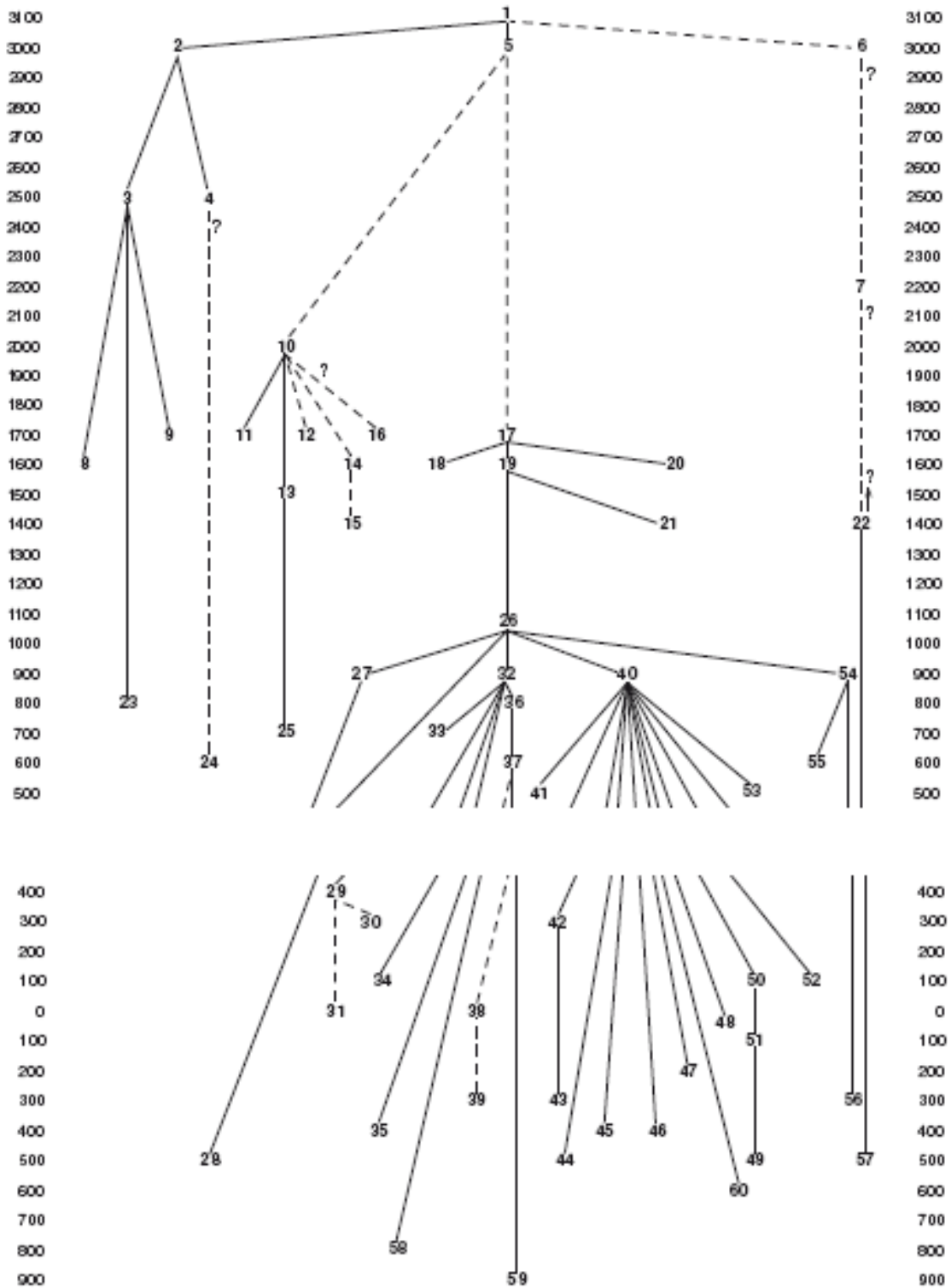
Глава 1

Письменность как система знаков

Способы передачи идей

Двумя важнейшими внешними характеристиками человеческого поведения являются выражение и коммуникация. Первое влияет на то, что мы можем назвать личным поведением, второе – на социальное поведение. У человека есть множество способов выражения мыслей и чувств, как естественных, так и искусственных. Он может дать естественный выход своей радости смехом или пением и печали плачем или стенанием. Он может выразить себя и с помощью искусственных средств в написанном стихотворении, картине или любом другом произведении искусства. Человек может попытаться передать свои чувства, мысли и идеи в традиционных и общепонятных формах. Как же связаны между собой выражение и коммуникация? Существует ли то, что можно было бы назвать чистым выражением или коммуникацией? Не в том ли дело, что человек, будучи социальным существом, ζῷον πολιτικόν¹ Аристотеля, в любой момент оказывается или представляет себя в таких условиях, когда может выразиться исключительно через коммуникацию? И наоборот, разве не все великие шедевры живописи или поэзии являются формами коммуникации, созданными благодаря самовыражению индивидов? Мне кажется, что цели выражения и коммуникации настолько тесно переплетены друг с другом во всех формах человеческого поведения, что, как правило, нельзя говорить об одном так, чтобы не быть вынужденным в то же время затрагивать и другое.

¹ Общественное животное (греч.). (Примеч. пер.)

- 1 – Протошумерское пиктографическое
- 2 – Шумерская клинопись
- 3 – Аккадская клинопись
- 4 – Эламская клинопись
- 5 – Египетское пиктографическое
- 6 – Протоэламское пиктографическое
- 7 – Протоиндийское пиктографическое

- 8 – Хеттская клинопись
- 9 – Хурритская клинопись
- 10— Критское пиктографическое
- 11 – Критско-микенское линейное
- 12 – Фестский диск
- 13— Кипро-минойское
- 14— Хеттское пиктографическое
- 15— Армянское пиктографическое
- 16 – Библиское слоговое
- 17— Протосемитское слоговое
- 18 – Протосинайское слоговое
- 19 – Протофиникийское слоговое
- 20 – Протопалестинское слоговое
- 21 – Угаритское слоговое
- 22 – Китайское пиктографическое
- 23 – Урартская клинопись
- 24 – Персидское слоговое
- 25 – Кипрское слоговое
- 26 – Финикийское слоговое
- 27 – Древнееврейское
- 28 – Самаритянское
- 29 – Пуническое
- 30 – Иберийское
- 31 – Ливийское
- 32 – Греческий алфавит
- 33 – Анатолийский алфавит
- 34 – Коптское письмо
- 35 – Готское
- 36 – Этрусское
- 37 – Латинское
- 38 – Руническое
- 39 – Огамическое
- 40 – Арамейское
- 41 – Индийское
- 42 – Пехлевийское
- 43 – Авестийское
- 44— Согдийское
- 45 – Армянское
- 46— Грузинское
- 47 – Манихейское
- 48 – Сирийское
- 49 – Арабское
- 50 – Набатейское
- 51 – Синайское
- 52 – Пальмирское
- 53 – Еврейское
- 54 – Южноаравийское слоговое
- 55 – Тамудское Лихьянитское Сафайтское
- 56 – Эфиопское

- 57 – Японское слоговое
- 58 – Славянское
- 59 – Развитие в Средних веках

Происхождение алфавита

Для сообщения мыслей и чувств должна существовать общепринятая система знаков или символов, которые, когда их используют одни люди, могут быть поняты другими, их реципиентами. Коммуникация при обычных обстоятельствах требует присутствия двух (и более) лиц, того (тех), кто передает, и того (тех), кто получает сообщение.

Процесс коммуникации состоит из двух элементов: передачи и получения. Поскольку средства передачи сообщения слишком разнообразны и многочисленны, чтобы уложить их в сколько-нибудь систематическую классификацию, мы вынуждены подойти к этому вопросу с точки зрения получения. Получение коммуникации достигается при помощи наших чувств, из которых самую важную роль играют зрение, слух и осязание. Теоретически можно принять во внимание и другие чувства, такие как обоняние и вкус, но на практике они играют весьма ограниченную роль и не приводят к развитию знаковых систем.

Визуальная коммуникация может быть осуществлена с помощью жестов и мимики. И то и другое – частые спутники речи, хотя интенсивность их применения отличается в зависимости от личности индивида, социального слоя или этнической принадлежности. Некоторые прибегают к жестикуляции и мимике больше, чем другие, ради риторического эффекта или в силу естественного порыва. В нашем обществе считается дурным тоном «разговаривать руками». Хорошо известно, что жители Южной Европы, например итальянцы, используют жестикуляцию и мимику гораздо больше, нежели, скажем, скандинавы и англичане. Сочетание языка и жестов играло важную роль в ритуалах во все времена и во всех странах. Ограничения, налагаемые на использование языка в естественных и искусственных условиях, привели к возникновению и развитию систем коммуникации на основе мимики и жестов. Таковы системы, разработанные для глухонемых, лишенных по своей природе способности к речи. К ним же можно отнести и язык жестов монахов-траппистов, которые из-за данного ими обета молчания были вынуждены найти замену устной речи. Системами жестового языка часто пользуются вдовы австралийских аборигенов, которым не разрешается произносить ни слова во время траура. И наконец, систему жестового языка используют индейцы Великих равнин. Она появилась в ответ на потребность в общении между племенами, говорящими на разных, непонятных друг другу языках.

Среди других способов общения, обращенных к зрительному восприятию, стоит отметить оптические сигналы, поданные с помощью огня, дыма, света, семафоров и т. д.

Одна из простейших форм акустической коммуникации – это, например, свист с намерением подозвать кого-то. Еще один простой пример подобного вида коммуникации – шиканье или аплодисменты в театре. Иногда для создания акустических сигналов применяются искусственные средства, такие как барабаны, свистки или трубы.

Важнейшей системой акустической коммуникации является устная речь, направленная к слуху человека, получающего сообщение. Речь универсальна. На протяжении всей известной истории человечества никогда не существовало такой группы людей, которые не обладали бы полностью развитой речью.

Простые способы передачи эмоций посредством осязания – это, например, рукопожатие, похлопывание по спине, ласковое поглаживание. Развитую систему коммуникации с помощью пальцевого алфавита используют слепоглухонемые, самым известным примером чего может послужить случай Хелен Келлер, американской писательницы и лектора.

Вышеупомянутые способы коммуникации имеют две общих черты: во-первых, все они сиюминутны, то есть ограничены во времени; стоит только произнести слово или сделать жест, как они исчезают и не могут быть восстановлены кроме как путем повторения. Во-вторых, их можно использовать только в общении между людьми, находящимися более или менее близко друг от друга, то есть они ограничены в пространстве.

Потребность в таком способе передачи мыслей и чувств, который не ограничен временем и пространством, привела к появлению методов коммуникации при помощи 1) предметов и 2) меток на предметах или на каком-либо твердом материале.

Визуальные средства коммуникации при помощи предметов безграничны. Когда человек насыпает груды камней или ставит каменный памятник на могиле, его намерение состоит в том, чтобы выразить чувства по отношению к умершему и увековечить его память. Крест, символизирующий веру, или якорь, символизирующий надежду, – современные примеры того же рода. Другим современным пережитком являются четки, каждая бусинка на которых в соответствии с ее положением и размером напоминает об определенной молитве. Еще можно было бы упомянуть так называемый «язык цветов и камней», в котором тот или иной цветок или драгоценный камень передает то или иное чувство.

Системы мнемонических знаков для ведения счета при помощи предметов известны во всем мире. Самый простой и распространенный из них – так называемые «счетные палочки» для учета скота; это простые деревянные палочки с надрезами, соответствующими количеству голов скота, находящегося в ведении пастуха. Еще одной простой счетной системой являются камешки в мешке. Более сложная мнемоническая система существовала у перуанских инков – так называемое «письмо» кипу, где сведения о предметах и животных «записывались» с помощью узелков на шнурах разной длины и цвета. Все сообщения о том, что кипу якобы использовалось для записи хроник и исторических событий, – не более чем плод фантазии. Ни перуанское, ни современное узловое письмо в Южной Америке и на островах Рюкю близ Японии не имеют никакой иной цели, кроме фиксации простейших фактов статистического характера.

В этой же связи мы можем упомянуть и о вампумах североамериканских индейцев – нанизанных бусинах из раковин, часто сплетенных в пояса, которые служили в качестве денег, украшений, а также средства передачи коммуникации. В своей простейшей форме цветные шнуры вампумов использовались для передачи сообщений в соответствии с общепринятыми у американских индейцев условными цветами: белые бусины означали мир, бордовые или фиолетовые – войну и т. д. Более сложные формы вампумов, обозначавшие целые фигуры и сцены, вполне можно отнести к описательно-изобразительной стадии, о которой мы будем говорить в главе 2.

Негритянский народ эве использует для запоминания и фиксации пословиц и песен предметы, причем в форме, весьма схожей с той, которой они достигли при помощи письменных знаков. Карл Майнхоф рассказывает, что некий миссионер нашел в туземной хижине веревку с множеством привязанных предметов: перышек, камешков и тому подобных предметов. На вопрос о значении этой последовательности предметов миссионеру ответили, что каждый фрагмент обозначает определенную пословицу. О другом обычае сообщает Мэри Х. Кингсли: туземные певцы в Западной Африке носят с собой сетку со всевозможными предметами, например трубками, перьями, шкурками, птичьими головами, костями ит. д., каждый из которых служит напоминанием о той или иной песне. Песни исполняются в сопровождении пантомимы. Слушатели выбирают определенный предмет и перед началом исполнения договариваются с певцом о цене за выступление. В каком-то смысле эту сетку можно считать песенным репертуаром.

Часто с коммуникативными целями использовались ракушки каури. Так, у народа йоруба одна ракушка каури обозначает «вызывающее поведение и неудача», две ракушки вместе – «отношения и встреча», а две врозь – «разлука и вражда» и т. д. Удивительно в данном случае

развитие фонетического принципа, прекрасно видного в следующих примерах: шесть ракушек каури обозначают «привлекает», потому что слово эфа на языке йоруба значит «шесть» и «привлекать»; поэтому сообщение в виде шнура с шестью ракушками, если его посылает юноша девушке, имеет смысл: «Ты привлекаешь меня, я тебя люблю». А так как слово эйо значит «восемь» и «согласен», то девушка может ответить юноше сообщением в виде шнура с восемью ракушками, говоря: «Я согласна, я чувствую то же, что и ты».

Употребление предметов в коммуникативных целях можно проиллюстрировать на современном примере. В рассказе венгерского писателя Йокаи человек отправляет другому посылку с кофе, чтобы предупредить его об опасности, грозящей ему со стороны полиции. Смысл происходящего можно понять, если исходить из фонетического принципа: «кофе» по-венгерски будет *kávé* и по звучанию напоминает латинское *save*, «берегись!».

О примере такого употребления, весьма интересном со сравнительной точки зрения, известно от того же народа йоруба, который так часто использует ракушки каури для передачи сообщений. Во время нападения короля Дагомеи на город йоруба один из туземцев был взят в плен и, стремясь сообщить жене о своей беде, послал ей камень, уголек, перец, зерно и обрывок ткани, передав тем самым следующее: камень указывал на «здоровье», то есть «как камень тверд, так твердо и сильно мое тело»; уголь обозначал «черноту», то есть «как черен уголь, так черно и мрачно мое будущее»; перец – «жжение», то есть «как жжет перец, так жгут мой разум горькие предчувствия»; зерно подразумевало «иссохший», то есть «как иссохло от жарки зерно, так мое тело иссохло и отошло от жара моих невзгод и страданий»; и, наконец, лоскут обозначал «лохмотья», то есть «как этот лоскут, моя одежда изнасилась и изорвалась в лохмотья». У Геродота в главе IV, 131 и далее содержится аналогичное описание. «Скифские цари, проведав об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, то должны сами понять значение этих даров. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрый (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснял смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами». Так персы стремились разгадать значение даров»². Те современные историки культуры, у которых есть возражения против некоторых моих реконструкций, основанных на сравнении между древними народами и современными примитивными обществами, не смогут легко отмахнуться от столь весомых и явных параллелей между древними и современными обычаями.

Еще одна история, аналогичная двум вышеописанным, дошла до нас из Восточного Туркестана³ и касается любовного послания от местной девушки юноше, в которого она влюбилась. Послание состояло из мешочка с несколькими вещами, которые должны были передать ему следующее: комок прессованного чая, что значило «я больше не могу пить чай»; сухую травинку – «потому что я завяла от любви к тебе»; красный плод – «я краснею при мысли о тебе»; сушеный абрикос – «я иссохла, как этот плод»; кусок древесного угля – «мое сердце горит от любви»; цветок – «ты красивый»; леденец – «ты сладкий»; камешек – «неужели твое

² Русский перевод дан по: *Геродот. История в девяти книгах* / Перев. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.

³ Восточный Туркестан – историческая область в Центральной Азии, в настоящее время входит в состав Китая. (*Примеч. пер.*)

сердце из камня?»; соколиное перо – «если бы у меня были крылья, я прилетела бы к тебе»; ядро грецкого ореха – «я отдаюсь тебе».

Все эти способы коммуникации иногда называют немецкими словами *Sachschrift* или *Gegenstandschrift*, что значит «предметное письмо», но совершенно безосновательно, ведь они не имеют ничего общего с письменностью в том смысле, в каком мы обычно ее понимаем. Непрактичность использования предметов помешала развитию этого способа в полноценную систему, а кроме того, используемые способы ограничиваются лишь небольшими географическими областями.

Письменность выражается не самими предметами, а путем меток на предметах или любом ином материале. Письменные символы, как правило, выполняются при помощи двигательных действий рук, которые рисуют, пишут кистью, процарапывают или вырезают. Это нашло отражение в значении и этимологии слова «писать» на разных языках. Английское слово *write* связано с древнескандинавским *ṛita*, «вырезать (руны)», а современное немецкое *reissen, einritzen* – с «рвать, вырезать». Греческое слово *γράφειν*, «писать», ср. с «графика», «фонография» и т. д., также значит «делать насечки», по-немецки *kerben*. Латинское *scribere*, немецкое *schreiben*, английское *scribe, inscribe* и т. д. первоначально означали «вырезать», как видно из его связи с греческим *σκαριφάσθαι*, «вырезать, царапать». Готское *mēljan*, «писать», первоначально значило «рисовать кистью», и это проявилось в том, что современное немецкое слово *malen* означает «красить». И наконец, славянское *писати*, «писать», сначала было связано с рисованием, как показывает его связь с латинским *pingere*, «рисовать кистью», что также проявилось в английских словах *paint*, «краска», *picture*, «картина», *pictography*, «пиктография», и т. д. То же семантическое развитие наблюдается в семитской семье языков.

А именно корень *štr*, «писать», по всей видимости, первоначально означал «резать», к каковому выводу приводят арабские слова *sāṭūr*, «большой нож», и *sāṭir*, «мясник»; корень *ktb*, «писать», первоначально означал «вырезать, высекать», как видно из сирийского *makt^cbā*, «шило»; а корень *šhf* или *ṣhf* означал не только «писать», но и «выкапывать, выдалбливать» в южносемитских языках.

А именно корень *štr*, «писать», по всей видимости, первоначально означал «резать», к каковому выводу приводят арабские слова *sāṭūr*, «большой нож», и *sāṭir*, «мясник»; корень *ktb*, «писать», первоначально означал «вырезать, высекать», как видно из сирийского *makt^cbā*, «шило»; а корень *šhf* или *ṣhf* означал не только «писать», но и «выкапывать, выдалбливать» в южносемитских языках.

Вышеописанные факты иллюстрируют механическое происхождение письменности и в то же время указывают на очень тесную связь между изображением и письмом. Так и должно быть, ведь самый естественный способ передачи идей с помощью визуальных знаков – это рисунки. У примитивных народов рисунок несовершенным образом выполняет функцию, которую в наше время берет на себя письменность. В ходе веков рисунок развивался в двух направлениях: во-первых, как изобразительное искусство, в котором картины продолжали более-менее точно воспроизводить предметы и события окружающего мира в не зависящей от языка форме; и, во-вторых, как письмо, в котором знаки независимо от того, сохраняют ли они свою изобразительную форму, в конечном счете становятся вторичными символами для выражения понятий языка.

Примеры устойчивой коммуникации, осуществляемой путем осязательного восприятия, например с помощью азбуки Брайля, и слухового восприятия, например прослушивания фоно-

грамм, – это вторичные переносы, развившиеся из систем, созданных на основе зрительного восприятия.

На рис. 1 в виде таблицы показаны несколько различных способов коммуникации, доступных человеку.

Восприятие	Мгновенная коммуникация	Устойчивая коммуникация
Зрительное	Жест; мимика; выражение лица и глаз; чтение по губам; мимические танцы; сигналы огнем, дымом, светом, семафором	а) Предметы: крест или якорь; четки; язык цветов и камней; счетные палочки; камешки; кипу; ракушки каури. б) Отметки на предметах: рисунки и скульптура; письмо
Слуховое	Свист; пение; аплодисменты или шиканье; речь; сигналы барабанами, свистками или трубами	Фонографические записи и диктофонные цилиндры
Осязательное	Рукопожатие, похлопывание или поглаживание; пальцевый алфавит слепоглухонемых	Чтение пальцами выпуклых или выгравированных надписей; азбука Брайля

Рис. 1. Способы передачи идей

Говоря о разнообразных системах человеческого общения, не следует смешивать первичные и вторичные системы. Лучше всего проиллюстрировать их различие на следующем примере. Когда отец подзывает сына свистом, он без посредства какой-либо языковой формы выражает свое желание привести мальчика в определенное место. Его мысль или чувство сразу же и напрямую передается через свист. Это первичное средство коммуникации. Но если отец пытается подзвать сына, высвистывая буквы с-ы-н азбукой Морзе, он делает это с помощью языкового переноса. Его желание привести сына в определенное место передается в свист через посредство языковой формы. Это то, что можно назвать вторичным средством коммуникации.

Возможности вторичного переноса безграничны. Произнесенное слово «сын», например, – это первичный речевой знак. В написанном слове «сын» мы находим, что письменный знак использован вместо устного. Если это написанное слово с-ы-н затем передать с помощью сигналов фонариком, то полученные в результате вспышки будут знаками знаков, которые, в свою очередь, тоже будут знаками знаков. И так далее до бесконечности.

В английском языке нет удачного выражения, которое могло бы охватить все условные средства человеческого общения с помощью знаков. Французские лингвисты используют в этом смысле слово *le langage*, а устную речь они называют *langage parlé*, *langage articulé* или просто *la langue*. В англо-американском словоупотреблении *speech* часто обозначает устную речь, а *language* – любую систему знаков. В качестве названия общей науки о знаках предлагалось несколько терминов, из которых наиболее подходящим, пожалуй, является термин «семиотика», введенный Чарльзом Моррисом.

Что же лежит в основе всей взаимной коммуникации людей? Что мы имеем в виду, когда говорим, что сообщаем наши идеи, мысли или чувства? Если взять три конкретных примера из повседневной жизни, что же сообщает жест оратора, просящего тишины, звенящий будильник или предупреждающий знак «стоп» на дороге? Для лингвистов бихевиористской школы ответ ясен и прост: то, что мы сообщаем, является языком. По их мнению, язык – единственное средство, с помощью которого все люди общаются друг с другом, и все способы человеческой коммуникации вне языка – не более чем вторичные его заменители. Даже само мышление или представление для них не что иное, как «беззвучная речь», который, как они считают, всегда сопровождается «беззвучными движениями голосовых органов, замещающими речевые движения, но незаметными для окружающих людей». Однако именно в этом моменте я бы хотел отойти от основного догмата лингвистов, принадлежащих к бихевиористской школе. Конечно, беззвучная речь играет важную роль во всех формах мышления, особенно активного мышления. Например, когда мы представляем себе ситуацию, в которой собираемся сказать кому-то «убирайся!», это вполне может сопровождаться заметным движением губ, иногда даже явным возгласом. С другой стороны, мы знаем из опыта, подтвержденного психологическими экспериментами, что можно думать в отсутствие безмолвного потока слов и понимать смысл вещей, для которых у нас нет названия. Разумеется, глухонемые от рождения вполне способны общаться между собой без какого-либо голосового фона; и хотя у них интенсивное мышление иногда может сопровождаться более или менее заметными движениями рук и лица, такие рефлексy следует считать вторичными и аналогичными видимым движениям губ в случае «беззвучной речи» у тех, кто способен нормально говорить. Повсюду в нашей повседневной жизни можно найти еще множество примеров приема коммуникаций без языкового фона. Когда я вскакиваю с постели по утрам при звуке будильника или когда вижу на шоссе знак «стоп», я, очевидно, реагирую на эти знаки немедленно, без вмешательства какой-либо речевой формы; звук будильника или дорожный знак обращаются непосредственно к моему сознанию.

Между процессом передачи и процессом получения коммуникации часто существует огромная разница. Пусть процесс медленного письма сопровождается беззвучным проговариванием слов, тем не менее такое проговаривание трудно, если вообще возможно, заметить у людей, которые читают про себя вдвое или втрое быстрее, нежели вслух. Установлено, что многие могут читать глазами без промежуточного потока речевых знаков.

Конечно, почти все знаковые системы можно перевести в ту или иную языковую форму, просто потому, что речь – самая полная и самая развитая из всех наших знаковых систем⁴, но делать на этой основе вывод, что речь образует фон всех человеческих коммуникаций, представляется заблуждением. Никто не скажет, что все в мире является деньгами, только потому, что все в мире можно (теоретически) перевести в деньги.

Более консервативные американские лингвисты не отрицают существования зрительных образов, идей или концепций, не требующих фоновых речевых знаков. Они говорят, что в лингвистике такие «бесплотные слова» абсолютно ничего не значат и что для лингвиста «*les idées ne viennent qu'en parlant*» («идеи приходят во время разговора»), если процитировать весьма популярную у нас французскую поговорку. Возможно, это верно для «лингвистической науки, которая занимается исключительно словами – единственным, что существует для нее реально». Их заблуждение, однако, состоит в том, что они считают само собой разумеющейся полную тождественность устной и письменной речи и полагают, что, будучи лингвистами, могут оперировать только речевыми символами, поэтому исследующий письменность историк может плодотворно использовать только речевые символы и должен выбросить зри-

⁴ Рудольф Карнап полагает, что устная речь – важнейшая из всех знаковых систем, однако признает, что есть и другие системы, которым можно научиться и которые можно использовать независимо от речи. (Примеч. авт.)

тельные образы и бессловесные идеи в мусорную корзину. Но письменность в самом широком смысле нельзя всецело отождествить с речью, и исследователь письменности не обязан быть лингвистом. Символика зрительных образов на самых ранних стадиях письма, как и символика жестовых знаков, может выражать смысл, не обязательно облачаясь в лингвистические одежды, и может быть успешно исследована нелингвистом. Лишь когда письменность развивается в полностью фонетическую систему, воспроизводящую элементы речи, можно говорить о практической тождественности письменности с речью и эпиграфике или палеографии как разделах лингвистики.

Здесь необходимо четко провести это огромное различие между семасиографической стадией письменности (выражением смыслов и понятий, слабо связанным с речью) и фонографической стадией (выражением речи), поскольку вопрос определения письменности постоянно окружен спорами. Ученые, занимающиеся общей лингвистикой, которые определяют письменность как способ записи речи при помощи видимых знаков, а письменный язык считают точным эквивалентом устного, пренебрежительно относятся к историческому развитию письменности и упускают из вида, что такое определение нельзя применить к ее ранним стадиям, на которых письменность лишь слабо выражала устную речь. При этом филологи, полагающие, что письменность даже после введения фонетизации использовалась для записи и передачи и идей, и звуков, не в состоянии понять, что, как только человек обнаружил способ точного выражения речевых форм письменными знаками, письменность утратила свой независимый характер и стала в значительной мере письменной заменой своего устного аналога.

Определение письменности

Если попросить обычного человека дать определение письма, он, весьма вероятно, даст примерно такой ответ: «Ой, да это же проще простого. Любой ребенок знает, что письмо – один из трех навыков, которым учат в начальной школе, и что выражением «азбучная истина» мы называем простейшие познания по любому предмету». Однако вопрос не так прост.

Письменность зародилась в те времена, когда человек учился передавать свои мысли и чувства с помощью видимых знаков, понятных не только ему самому, но и всем остальным людям, более или менее знакомым с конкретной системой знаков. Сначала рисунки служили для визуального выражения идей в такой форме, которая очень мало зависела от речи, выражавшей его мысли в акустической форме. На ранних этапах письменности связь между ней и речью была весьма слабой, ввиду того что письменное сообщение не соответствовало в точности речевой форме. Конкретное сообщение имело лишь один смысл и могло быть истолковано читателем лишь одним способом, но «прочесть», то есть облечь в слова, его можно было по-разному и даже на многих разных языках.

В более поздние периоды систематическое применение так называемой «фонетизации» позволило человеку выражать свои мысли в той форме, которая могла в точности соответствовать категориям речи. С тех пор письменность постепенно утратила независимость как способ выражения идей и стала орудием речи, средством, через которое точные речевые формы можно зафиксировать в устойчивом виде.

Во всех крупных достижениях человечества можно наблюдать один важный, поворотный этап, который совершенно революционизировал его дальнейший прогресс. Говоря ниже об изобретениях, я имею в виду, что, хотя Уатт не «изобрел» паровую машину, он сделал решающий шаг, впервые используя пар на практике в качестве движущей силы. Мы не должны забывать об аналогичном этапе в истории письменности. Этим революционным поворотом стала фонетизация письма. Если мы полагаем, что паровая машина началась с Уатта, мы могли бы и предположить, что письмо возникло лишь в тот момент, когда человек научился выражать понятия языка в письменной форме. Это означало бы, что письменность, как считают некоторые лингвисты, является способом фиксации речи и что все этапы, на которых она не служила этой цели, были лишь слабыми попытками движения к письменной форме, но не настоящей письменностью. Однако такое ограниченное определение письменности не может нас удовлетворить, поскольку оно не учитывает тот факт, что оба этапа имеют одну и ту же цель: межчеловеческое общение с помощью условных видимых знаков. Кроме того, нельзя сваливать в одну кучу все древние и примитивные системы и считать, что они стояли на одном и том же низком уровне развития. Пусть даже все древние письменности были недостаточно эффективны и неадекватно выражали речь, некоторые из них, как, например, письменности майя и ацтеков, достигли такого уровня систематизации и условности, который в какой-то степени позволяет сравнивать их со столь развитыми письменностями, как шумерская или египетская.

Так что же в таком случае есть письменность? Совершенно ясно, что письменность – это система взаимной коммуникации людей при помощи условных видимых знаков, однако из вышесказанного следует, что примитивные народы понимали ее не так, как мы. Вопрос о том, что лежит в основе всех видов письменности – слова или идеи, очевидно, тот же самый, что и вопрос о том, что лежит в основе всей человеческой коммуникации.

У примитивных индоевропейцев, семитов и американских индейцев потребность в письменности удовлетворялась в виде простых рисунков или последовательностей рисунков, которые обычно не имели четкой связи с какой-либо языковой формой. В силу того, что рисунки понятны сами по себе, они не должны были соответствовать каким-либо знакам устной речи. Это то, что мы называем примитивной семасиографией.

Для нас, и дилетантов, и ученых, письменность – это письменный язык. Спросите первого встречного, и он даст этот ответ не задумываясь. То же поэтически выразил Вольтер: «Письменность – это портрет голоса, и чем больше сходство, тем он лучше», и Бребеф: «Это гениальное искусство живописи словами и беседы глазами». Французские литераторы здесь в хорошей компании, потому что их мнение поддерживает надежный авторитет Аристотеля, который много веков назад во вступительной главе «Об истолковании» своего «Органона» сказал: «Итак, то, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звукосочетаниях»⁵.

Я согласен с лингвистами, которые считают, что полностью сформировавшаяся письменность стала способом выражения языковых элементов посредством видимых знаков. Возьмем, к примеру, такое предложение, как «Mr. Theodore Foxe, age 70, died today at the Grand Xing Station» («Мистер Теодор Фокс 70 лет скончался сегодня на станции Гранд-Кроссинг»). Хотя английское письмо, как и латынь, называется алфавитным, нам ясно, что это предложение написано не чисто алфавитными знаками. Помимо таких букв, как e, o, d, выражающих соответствующие звуки, мы имеем буквосочетание th для спиранта θ, букву x для двух согласных ks, словесный знак 70 вместо слова «семьдесят» и знак ребусного типа в виде X плюс буквосочетание ing, обозначающий слово Crossing. Несмотря на эту несистематичность, все же каждый знак или комбинация знаков в нашем предложении имеет свое соответствие в устной речи. Абсурдно видеть в письменном знаке 70 идеограмму, в отличие от фонографического died, как это обычно делают филологи, просто потому, что написание 70 содержит такие разные значения, как «семь, ноль, семьдесят, семидесятый» и т. д. И 70, и died вызывают в уме соответствующие слова, обозначающие «семьдесят» и «скончался», и им обоим присущи идеи – числа и смерти, соответственно. Тот факт, что написание 70 логографическое, а died – алфавитное, можно объяснить простой случайностью, и он не более странен, чем разные способы написания других слов, например «мистер» и «м-р», «сравни» и «ср.», «and» и «&». Во всех таких случаях можно наблюдать условное использование определенных знаков для обозначения определенных речевых форм.

Если под термином «языковые элементы» понимать фразы, слова, слоги, отдельные звуки и просодические характеристики, то вышеприведенное предложение включает в себя исключительно знаки, обозначающие слова, отдельные звуки и просодические характеристики. Фразеограммы, то есть знаки фраз, редко встречаются в обычных письменностях, однако они являются неотъемлемой частью всех стенографических систем. Слоговые знаки, само собой разумеется, характерны для слогового письма. Из просодических характеристик, таких, как долгота, ударение, тон (или высота) и пауза, лишь последняя отчасти выражена в нашем предложении пробелами между словами и знаками препинания в виде запятых. Как правило, на письме не удается адекватно передать просодические особенности. То есть в таком предложении, как, например, «Вы идете домой?», вопросительная интонация обозначается знаком вопроса, однако на каком слове делать ударение, на первом, втором или третьем, остается на усмотрение читателя. Напротив, в научной транслитерации часто используются специальные пометки для обозначения просодических характеристик с помощью диакритических знаков или цифр, как, например, при написании *demos* для обозначения долготы и ударения, или *kiz* для обозначения высоты. Адекватное обозначение тона или высоты разработано только в системе нотной записи. Таблица на рис. 2 показывает разные способы написания языковых элементов.

⁵ Даже для китайского ученого, жившего шесть веков назад, «письмо – это изображенная речь, а речь – озвученное дыхание». (Примем. авт.)

	Письменный знак	Система знаков
Отдельный звук (фонема)	Буква, или алфавитный знак	Алфавитное письмо, или буквенное письмо
Слог	Силлабограмма, или слоговый знак	Силлабография, или слоговое письмо
Слово	Логограмма, или словесный знак	Логография, или словесное письмо
Фраза	Фразеограмма, или фразовый знак	Фразеография, или фразовое письмо
Просодические характеристики	Просодический знак или пометка	Просодическое письмо

Рис. 2. Способы написания языковых элементов

Письменность ни в коей мере нельзя считать точной копией устной речи. Письменность никогда не достигала такого идеального состояния строгой эквивалентности, в котором одну единицу речи выражал бы один знак и один знак выражал бы только одну единицу речи. Даже алфавитное письмо, наиболее развитая форма письменности, полно противоречий в соответствиях между знаками и звуками. Непоследовательность фонетического письма проиллюстрирована на рис. 3. В то же время таблица указывает на различия между историческим и функциональным характером письменности.

И все же общее утверждение, что развитая письменность выражает речь, не следует понимать в том смысле, что она не выражает ничего, кроме речи. Любое письмо, даже самое развитое фонетическое, изобилует такими формами, которые при чтении вслух неоднозначны и легко могут быть неправильно поняты. Существование этих так называемых «визуальных морфем», то есть форм или вариантов написания, которые передают значение только на письме, четко показывает, что письмо порой может иметь функцию средства коммуникации отдельно от речи и в дополнение к ней. Из множества примеров визуальных морфем можно привести следующие: «The sea is an ocean, and si is a tone, as you can readily see» («Море – это океан, а си – это нота, как вам нетрудно понять»). «The danger is safely passed» и «the danger is safely past» («Опасность благополучно пройдена»). «How much wood would a woodchuck chuck if a woodchuck would chuck wood?» («Сколько леса нарубил бы сурок, если сурок рубил бы лес?»). «Grey» в «she has lovely grey eyes» («у нее прелестные серые глаза») и «gray» в «it was a gray, gloomy day» («стоял серый, пасмурный день»). Другие примеры подобного раздвоения смыслов на письме: check – cheque (проверка-чек), controller – comptroller (контроллер – контролер), compliment-complement (комплимент – комплемент)⁶.

В современном употреблении иногда встречаются знаки, не имеющие общепринятых соответствий в речевых формах. Например, стрелка в качестве символа может иметь разные значения в зависимости от ситуации. На дорожном указателе она может означать что-то вроде «следуйте в направлении, указанном стрелкой», а у входа в пещеру она может значить «входите здесь» или «вход». Примеры такого рода символики имеют множество параллелей на семасиографической стадии письменности, когда знаки подразумевают именно значения – а не слова

⁶ Из того же ряда примеров: £3 со значением «3 фунта». (Примеч. авт.)

или звуки. Эта символика находится за пределами обычной системы письменности. В рамках фонетической системы письменности знак стрелки с течением времени не мог не приобрести одного или двух однозначных речевых значений, таких как «идти (туда-то), следовать» и т. п.

Алфавитные знаки	В функции отдельных звуков	i = i в «dim»; = ay in «dime»; = ə in «dirt» c = s в «Caesar»; = k в «cat» x = ks в «fox»; = gz в «exam»; = z в «Xavier» th = θ в «thin»; = ð в «them»; = t в «Thomas»
	В функции слогов	l — lə в диалектном произношении «elm» как «eləm» b = bi в ребусах q = куuu в необычном написании слова «барбекю» в виде «Bar-B-Q»
	В функции слов	m — «meter, mile, minute» и т. д. M. = «Martin, Mary, Majety, Master, Monday» и т. д. v. = «см.» e.g. = «например» No. или № = «номер» α в греческом = «один»
Слоговые знаки	В функции слогов	ma = ma в хеттской слоговой азбуке
	В функции отдельных звуков	ma — m в хеттском написании ta-ma слова tam
	В функции слов	ma = mana, «мина» в аккадском
Словесные знаки	В функции слов	† ~ «умер» 2 = «два, второй» ° = «градус» & (первоначально латинское et) = «и» &c = et caetera, «и так далее, и тому подобное»
	В функции слогов	стрелка = ti в шумерском = слоговое значение ti 7 = septem в 7ber, «сентябрь» & = et в средневековом написании videlicet (а именно) как videlic&
	В функции отдельных звуков	картинка с пчелой = b в ребусах

Рис. 3. Непоследовательности фонетического письма

Сюда же относятся и некоторые определенные символы в комиксах, которые в основном легко понять, хотя у них и нет аналогов в обычной речи. Такие символы, которые Уэстон Л а Барр называет «сублингвистическими идеограммами», например облачко, окружающее часть текста и означающее «говорит», отпечатки следов – «идет», пила – «храпит, спит», лампочка с лучиками – «идея», и]%!*/=# – «непередаваемо».

Также за пределами нашей обычной фонетической системы знаков находятся условные обозначения, употребляемые в математике, логике и некоторых других науках. Хотя в написании математической формулы вида

$$y(\lambda) = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n \varepsilon e^{a_{ij}} + \lambda_{b_{ij}}$$

каждый отдельный знак имеет или может иметь точное соответствие в речи, смысл в данном случае передается совокупностью знаков в определенном порядке и форме, которые не следуют нормам обычного, фонетического письма.

Значение иногда может передаваться в письменном виде не только знаками условной формы, но и разными вспомогательными способами, опирающимися на описательные приемы, цвет, положение и контекст ситуации.

Древнейшие восточные системы письма, такие как месопотамская, египетская и др., будучи полностью фонетическими, используют условные знаки с определенным словесным или слоговым значением. И тем не менее даже в таких полностью фонетических письменностях значение выражается иногда не условными знаками, а изображениями сцен в рамках описательно-изобразительного приема. Так, в египетском письменном контексте, описывающем победы Рамсеса II над чужими странами, почетный титул фараона «Тот, кто покоряет чужие народы» выражается не отдельными иероглифами, а в виде сцены с фараоном, связывающим чужеземного царя веревками. В другом письменном контексте формула «жертвоприношение, которое приносит царь» выражена в виде изображения царя, держащего цинковку с буханкой хлеба. Смысл этих двух сцен передается в форме, столь хорошо знакомой нам еще по самому раннему периоду египетской письменности, как, например, на палетке Нармера, которая будет более полно описана ниже.

Цвет, по всей видимости, не играет особой роли в современной письменности. Хотя разные цвета порой и используются для дифференциации значений, например в таблицах, все же, как правило, и в рукописных, и в печатных текстах преобладает черный или другой темный цвет. В прежние времена, когда все писалось от руки, цветовая дифференциация встречалась чаще. И в древних мексиканских рукописях, и в более поздних рукописях американских индейцев часто применяется метод окраски знаков. У индейцев чероки белый цвет используется для обозначения мира или счастья, черный – смерти, красный – успеха или победы, синий – поражения или беды⁷. Наконец, можно упомянуть полихромное издание Библии, в которой цветами отмечены разные источники, а также современные разработки в области пазиграфии, в которых цвет имеет важную функцию различения смысла. За рамками письма разные цвета

⁷ В египетском иероглифическом письме отдельные знаки часто различаются окраской; окрашены знаки огласовки в старинных рукописях Корана и знаки пунктуации (например, отметки, разделяющие слова и предложения) в эфиопских текстах. (Примеч. авт.)

применяются на картах и в татуировках. Также и система кипу использовалась для записи фактов учетного характера путем завязывания узлов на разноцветных шнурах. Цветовые различия цветов и драгоценных камней часто используются для передачи тех или иных сообщений.

Значение иногда может передаваться с помощью приема, основанного на так называемом «принципе позиции» или «принципе позиционного значения». Мы знаем, как важен этот принцип в математических системах, например, при написании «32» и «3²». В то время как по отдельности эти цифры означают «три» и «два» соответственно, здесь их подразумеваемое значение выражено постановкой знаков в определенную позицию относительно друг друга. Необычное применение принципа позиции можно наблюдать в написании египетского слова $m^x \underline{h}^x n^x w^x$, «внутри», путем наложения двух знаков друг на друга: знака СОСУД над знаком ВОДА. В слоговом чтении это дает $m^x(w^x)$, «вода», плюс $\underline{h}^x(r^x)$, «под» (не выраженное никаким знаком), плюс $n^x w^x$, «кувшин», что вместе означает $m^x \underline{h}^x n^x w^x$, «внутри». Аналогич-

WOOD AND
JOHN MASS

ным примером из наших дней является надпись **WOOD AND JOHN MASS**, вместо John Underwood, Andover, Massachussets (Джон Андервуд, Андовер, Массачусетс), якобы обнаруженная в качестве адреса на письме⁸. Пробелы между словами, которые часто отсутствовали в старых письменностях, – это еще одно важное применение принципа позиции, как любой может лично убедиться на примере разницы смыслов таких выражений: «видали ль вы» и «видали, львы» или «Ярославне» и «я росла вне».

Рука об руку с принципом позиции идет принцип контекста ситуации, если воспользоваться термином, который недавно ввел Б. Малиновский в своем исследовании проблемы значения в примитивных языках. Так, вопрос «где ручка?» обычно совершенно понятен слушателю, несмотря на то что само слово «ручка» может подразумевать такие разные вещи, как инструмент для письма, рукоятка, маленькая рука, а объясняется это тем, что вопрос задавался в определенных условиях, которые делают его интерпретацию однозначной. Аналогично из контекста легко понять, что сокращение PG обозначает партайгеноссе в докладе о нацистской партии, Panzergrenadier, рядовой мотопехоты, в тексте о немецкой армии или postgraduate, аспирант, в университетском употреблении, так же как УК – уголовный кодекс, если аббревиатура встречается в юридическом контексте, либо уставной капитал, если речь идет об экономических вопросах. Принцип контекста ситуации находит применение и в других системах знаков, например, в тех, где участвуют жесты: человек, указывающий пальцем на дверь, в некоторых ситуациях может подразумевать что-то вроде «Вон!», тогда как в других ситуациях тот же жест может просто обозначать «там» или «в ту сторону». Значение ситуативного контекста хорошо видно на примере современных карикатур; политическая карикатура, опубликованная лет пятьдесят назад, будет практически непонятна молодому человеку, незнакомому с ситуацией и условиями, послужившими фоном для ее появления.

⁸ Перед нами ребус: John Underwood = John под Wood; Andover, Mass. = And над Mass. (Примеч. пер.)

Источники информации

В попытках реконструировать ранние фазы нашей культуры мы в основном опираемся на источники с Древнего Востока. Пожалуй, это в большей степени относится к истории письма, чем любых других значительных культурных достижений. Там, на земле шумеров, вавилонян, ассирийцев, хеттов, хананеев, египтян и китайцев, лопатка археолога за последний век вывела на свет тысячи документов, которые невероятно обогатили наши знания и открыли совершенно новые направления для исследований. Было бы немыслимо пытаться дать даже примерный набросок истории письма, не принимая во внимание письменных источников Древнего Востока. Однако мы находим большие пробелы в наших знаниях. Чем дальше мы уходим в глубь веков, тем меньше источников остается в нашем распоряжении. Весьма интересная проблема «происхождения» письма окутана покровом мрака, и ее столь же трудно разрешить, как и проблему «происхождения» таких важнейших аспектов нашей культуры, как, например, искусство, архитектура, религия и социальные институты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.